

Е.П. Баринаева

ГУБЕРНАТОРЫ И ДВОРЯНСТВО В НАЧАЛЕ XX ВЕКА: СОТРУДНИЧЕСТВО И КОНФЛИКТЫ

© Баринаева Екатерина Петровна – кафедра институциональной экономики и экономической истории, Самарский государственный экономический университет, 443090, Российская Федерация, г. Самара, ул. Советской Армии, 141.

E-mail: rfnz25@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2514-9421>. Researcher ID: J-1269-2017

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются противоречия между партикуляризмом дворянства на местах и централизаторскими стремлениями коронной администрации. Выявляются способы взаимодействия губернатора с представителями дворянской корпорации, выясняются причины конфронтации и негативных оценок личности губернаторов. Отмечается, что, несмотря на продворянскую ориентацию и деятельность, губернатор зачастую оценивался дворянством негативно, как представитель бюрократии, чиновник, чуждый интересам губернии и корпорации. Показано, что наличие разобщенности между властью и обществом на местном уровне, дистанцирование губернатора от местных проблем и конфликты с представителями дворянской корпорации способствовали нарастанию отчужденности и обостряли политическую ситуацию в губерниях. В связи с этим дворянство выступило противником правительственного проекта губернской реформы.

Для характеристики взаимоотношений власти и общества используется структурно- функциональный анализ. В статье отмечается, что события первой российской революции стали серьезной проверкой на прочность губернаторского корпуса, показали недостаточный уровень компетентности, организаторских способностей и авторитета губернаторов для решения политических конфликтов. Оппозиционный характер I и II государственных дум частично был связан с тем, что местные власти не сумели реализовать правительственные интересы во время избирательных кампаний. Одновременно выявляется мотивация действий представителей дворянской корпорации, полагающих, что они имеют приоритет в оценке особенностей жизни российской провинции. Сравнительно-сопоставительный метод позволил выявить общее и особенное в оценках представителей губернаторского корпуса. Корпус исторических источников представлен воспоминаниями губернаторов, анализ которых позволил объяснить управленческие решения автора в сложных исторических условиях. В статье ставятся и решаются научно значимые задачи, в которых рассматривается специфика взаимоотношений между представителями коронной власти – губернаторами – и органов дворянского сословного самоуправления – предводителями дворянства – в начале XX века.

Ключевые слова: губернатор, дворянское собрание, предводитель дворянства, бюрократия, государственная служба, воспоминания, первая российская революция.

Цитирование. Баринаева Е.П. Губернаторы и дворянство в начале XX века: сотрудничество и конфликты // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 1. С. 23–31. DOI: <http://dx.doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-1-23-31>.

DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-1-23-31
UDC 94(47)

Submitted: 11/XII/2017
Accepted: 20/I/2018

E.P. Barinova

GOVERNORS AND NOBILITY AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY: COOPERATION AND CONFLICTS

© *Barinova Ekaterina Petrovna* – Department of Institutional Economics and Economic History, Samara State University of Economics, 141, Sovetskoi Armii Street, Samara, 443090, Russian Federation.

E-mail: rfz25@yandex.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-2514-9421>. **Researcher ID:** J-1269-2017

ABSTRACT

In the article contradictions between particularism of nobility on places and centralization aspirations of crown administration are considered. Ways of interaction of the governor with representatives of noble corporation come to light, the reasons of confrontation and negative estimates of identity of governors become clear. It is noted that despite pro-noble orientation and activity, the governor was often negatively estimated by the nobility as the representative of bureaucracy, the official alien to the interests of the province and corporation. It is shown that existence of dissociation between the power and society at the local level, distancing of the governor from local problems and conflicts with representatives of noble corporation promoted increase of estrangement and aggravated political situation in provinces. In this regard the nobility has acted as the opponent of the government project of provincial reform. For the characteristic of relationship of the power and society the structural functional analysis is used. In the article it is noted that events of the first Russian revolution became serious check on durability of the governor's case, have shown the insufficient level of competence, organizing abilities and the authority of governors for the decision of political conflicts. The oppositional nature of I and II State Dumas has partially been connected with the fact that local authorities haven't managed to realize government interests during the electoral companies. At the same time the motivation of actions of representatives of noble corporation believing that they have a priority in assessment of features of life of the Russian province comes to light. The comparative method has allowed to reveal general and special in estimates of representatives of the governor's case. The case of historical sources is presented by memoirs of governors which analysis has allowed to explain administrative decisions of the author in difficult historical conditions. In the article scientific and significant tasks in which the specifics of relationship between representatives of the crown power – governors and bodies of noble class self-government – leaders of the nobility at the beginning of the XX century are considered are set and solved.

Key words: governor, nobility assembly, leader of the nobility, bureaucracy, public service, memoirs, first Russian revolution.

Citation. Barinova E.P. Gubernatory i dvorianstvo v nachale XX veka: sotrudnichestvo i konflikty [Governors and nobility at the beginning of the XX century: cooperation and conflicts]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 1, pp. 23–31. DOI: <http://dx.doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-1-23-31>.

Эффективность властно-политического регулирования, проблемные аспекты взаимоотношений государственных структур власти и органов местного самоуправления всегда вызвали историографический интерес. Современная историография проблемы представлена исследованиями, посвященными изучению исторического опыта реформ местного управления [Могилевский], характеристике различных аспектов формирования, деятельности и социокультурных характеристик губернаторского корпуса различных регионов [Лысенко; Минаков; Туманова], отдельных персоналий губернаторов [Алексушин; Баязин; Марасанова, Федюк; Шатохин], взаимоотношениям государственных структур и органов местного самоуправления [Куликов; Любичанковский]. Итоги историографиче-

ского изучения губернаторского корпуса России начала XX века подведены орловским исследователем А.С. Минаковым [Минаков, 2009]. Анализируя кадровую политику в отношении губернаторского корпуса в начале XX века, он справедливо отмечает, что критерии отбора на губернаторский пост носили многофакторный характер и зависели от задач, стоящих перед центральной властью. Зачастую в кризисных и чрезвычайных условиях кадровые перемены в губернаторском корпусе способствовали их преодолению [Минаков, 2011]. Американский историк Р. Роббинс полагает, что статус губернатора имел крайне противоречивый характер. Он должен был воплощать власть монарха на губернском уровне, осуществлять административный надзор и в то же время функции главного

губернского агента МВД [Роббинс, с. 202]. В статье О.А. Суховой рассмотрены адаптационные возможности политического института губернаторства, дан подробный анализ деятельности губернаторов Поволжья и Урала в экстремальных условиях первой российской революции, показана их роль в борьбе с революционным движением [Сухова]. Несмотря на разнообразие исторических работ, посвященных институту губернаторства, целый ряд сюжетов в истории взаимоотношений представителей коронной власти и общества нуждается в дополнительном изучении. В частности, интересен вопрос о взаимоотношениях губернаторов и губернских предводителей дворянства, об участии губернаторов в жизни дворянской корпорации и оценке дворянством их деятельности как представителей власти. Данная проблема частично затрагивалась исследователями при характеристике деятельности того или иного губернатора [Антонова; Бикташева; Дунаева, 2010; Дунаева, 2012; Канищев; Марасанова] или анализе деятельности дворянских корпоративных организаций [Баринова; Кабытов, Баринова, Селиверстов; Шатохин, Шатохина], но комплексного освещения не получила.

В качестве источников по данной проблеме может выступать как делопроизводственная документация, в частности всеподданнейшие отчеты губернаторов, служебная переписка губернатора с губернским предводителем дворянства, так и источники личного происхождения — воспоминания и мемуары губернаторов [Джунковский; Кошко; Муратов; Осоргин; Урусов], позволяющие объяснить поступки и управленческие решения автора в сложных исторических условиях. Отметим, что воспоминания обладают разной степенью информативности о деятельности губернатора, характере его взаимоотношений с дворянством губернии, не лишены субъективности и политических пристрастий автора в оценках событий. В воспоминаниях московского губернатора в 1905–1912 гг., генерал-майора царской свиты, товарища (заместителя) министра внутренних дел Российской империи и командира отдельного корпуса жандармов в 1913–1915 гг. В.Ф. Джунковского отражены важнейшие события политической, общественной и культурной жизни России 1905–1915 гг. [Джунковский]. Автор стремится быть документально точным, сдержанным, беспристрастным в освещении событий, не претендуя на их анализ. Воспоминания Н.П. Муратова более эмоциональны, он стремился показать взгляд современников на ту или иную историческую личность [Муратов]. В мемуарах М.М. Осоргина дается краткая зарисовка первого впечатления вновь прибывшего губернатора на тульское высшее чиновничество начала XX века. Он сравнивает результаты взаимоотношения власти и общества двух губерний — Тульской и Гродненской. Воспоминания М.М. Осоргина интересны еще и тем обстоятельством, что автор на протяжении своей карьеры был земским начальником (1890), калужским уездным предводителем дворянства (1890–

1898), вице-губернатором (1898–1903), гродненским (1903–1905) и тульским губернатором (май–декабрь 1905). Сравнивая дворянскую и административную службу, он отмечал: «Разнообразия было хотя меньше, чем в губернаторской работе, но зато не было дерготни последней, а также не было того напряжения и ожидания всяких беспорядков и осложнений, коими изобиловали те губернии, где впоследствии пришлось мне быть администратором. Самостоятельность же предводителя была особым плюсом: ни от кого не зависишь и распределяешь свои занятия, как сам того пожелаешь» [Осоргин, с. 463].

Время создания воспоминаний также наложило отпечаток на их информационную насыщенность. Если «Воспоминания губернатора (1905–1914 гг.)» И.Ф. Кошко изданы в 1916 году, фактически сразу после окончания его карьеры [Кошко], то воспоминания Н.П. Муратова, М.М. Осоргина и В.Ф. Джунковского были написаны после Октябрьской революции и не лишены внутренней цензуры со стороны автора, поскольку писались в условиях большевистского режима.

Губернский предводитель дворянства избирался губернским дворянским собранием и утверждался императором. По должности он являлся председателем земского собрания, входил в состав разных административных присутствий. По сути, он занимал первое место после губернатора, имел право обращаться не только к губернатору, но и к министру внутренних дел. Предводители наряду с губернаторами зорко следили за политической атмосферой в губерниях и уездах. В качестве председателей земских собраний они «считали своим главным делом не допускать враждебных и просто неприятных правительству речей» и обсуждать вопросы, выходящие за рамки местных нужд. Наделение в 1860–1880-х гг. уездных предводителей дворянства рядом административных функций по координации местного коронного управления уездами, введение в 1890 г. должностей земских начальников, а также введение земства как института местного управления позволило максимально привлечь в сферу управления местным хозяйством поместное дворянство. Мотивация деятельности предводителя дворянства и губернатора была различна, если предводители отстаивали узкокорпоративные интересы местного дворянства, то губернаторы стояли на страже интересов всего государства. Н.П. Муратов отмечал, что отношение дворянства к губернатору определялось принципом «Мы — свои, а он — чужой» [Муратов, с. 128]. Губернатор для дворянства губернии являлся временным, случайным человеком, связанным с ним только на определенный момент. Сословные интересы и корпоративные связи для дворянства были преобладающими.

Губернаторы, будучи представителями высшей власти, «хозяевами» вверенных территорий, отвечали за реализацию правительственной политики всеми коронными учреждениями, осуществляли

надзор и попечительство за органами местного самоуправления. Роль, которую играл губернатор во властной системе, определялась не только его официальным статусом, но и во многом самой личностью человека, занимавшего этот пост. Губернаторы не имели права вмешиваться в деятельность дворянских собраний, однако пренебрежение к дворянству было чревато для губернаторов серьезными осложнениями.

Базовой ценностью дворянского сознания была аксиома, что дворянство является «верным слугой верховной власти». Поэтому, состоя на государственной службе, дворяне не считали возможным «подрывать государственный строй», так как сами были его составляющими элементами. С.Д. Урусов отмечал, что он «ревниво охранял самостоятельность своей служебной деятельности» [Урусов, с. 22]. Ему вторит И.Ф. Кошко: «Если ты не одобряешь действия правительства, — говорил он всегда, — так выходи в отставку и делай и думай, что тебе угодно. А состоя на службе, получая жалование и перекидываясь на сторону врагов, человек совершает гнусную измену, которая претит всякому сколько-нибудь порядочному человеку» [Кошко, с. 76].

Взаимоотношения губернатора и губернского предводителя дворянства наиболее концентрированно отражают противоречия между поместным дворянством и бюрократией. Оценка личности и деятельности губернатора у представителей дворянского сословия складывалась не только под влиянием обстановки в стране, но и зависела от того, находился ли сам дворянин на государственной службе. В вину губернаторам и вице-губернаторам часто ставили незнание местной жизни, «петербургские фанаберии и военные понятия», автократичность и невнимательность [Осоргин, с. 466]. Дворянство было единодушно в том, что преобразования, проводимые правительством, не улучшают, а лишь ухудшают его положение. При этом тот факт, что представители дворянства занимали все ключевые посты и определяли основные направления общественной жизни, ими просто не учитывался. Критика коронной администрации, однако, была подкреплена не конкретными действиями, а декларациями о том, что «дворянство — лучшее сословие», рассуждениями об «исторической роли передового сословия». В среде либерально настроенного дворянства еще до 1905 года не только витали оппозиционные настроения, но и формировались очаги открытого неприятия того или иного губернатора. Особенно ярко это проявилось в ходе работы местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности в 1902–1903 гг.

В воспоминаниях губернаторов представлены яркие характеристики уездных и губернских предводителей дворянства. Оценивая того или иного предводителя дворянства, они чаще всего уделяли внимание его деловым качествам и деятельности на своем посту. М.М. Осоргин, характеризуя черенского уездного предводителя дворянства Офросимова, отмечал его принадлежность к «самому

правому крылу тульского дворянства» и «полную бездеятельность» на посту главы уезда [Осоргин, с. 707]. В.Ф. Джунковский нарисовал два противоположных портрета уездных предводителей: А.Д. Самарина как «образец для достойного подражания» [Джунковский, с. 44] и графа П.С. Шереметева, принадлежавшего «к разряду тех предводителей дворянства, которые не могли отдавать достаточно времени для добросовестного исполнения служебных обязанностей». Он отмечал, что граф П.С. Шереметев часто отсутствовал в уезде, в связи с чем «дела уездного съезда и всех присутствий, председателем коих он состоял, были запущены» [Джунковский, с. 63]. В воспоминаниях Н.П. Муратова приводится подробная личностная характеристика дворянских лидеров губернии: так, пятая глава целиком посвящена губернскому предводителю дворянства Н.Н. Чолокаеву. Впоследствии на страницах воспоминаний он неоднократно возвращается к характеристике взаимоотношений с ним: «мы тихо не любили друг друга и молча без шума боролись, оставаясь внешне в самых приличных отношениях» [Муратов, с. 55]. Надо отметить, что Н.П. Муратов в отличие от своих современников полагал, что консерватор Н.Н. Чолокаев «склонен симпатизировать левым течениям» [Муратов, с. 56]. Во многом такая подробная характеристика была связана с той парадоксальной ситуацией, в которой Н.П. Муратов оказался в отношении к дворянской общественности губернии. Консервативные убеждения приводили Н.П. Муратова к столкновениям с либеральными кругами дворянского сообщества. Особый резонанс имел «казус Бенкендорфа», когда «начальник губернии», используя свое формальное право, не утвердил избрание либерала К.Л. Бенкендорфа моршанским уездным предводителем [Канищев; Туманова].

Очень часто конфликтные ситуации между губернаторами и уездными предводителями дворянства возникали в силу разного понимания ими круга своих обязанностей. Так, тульский губернатор М.М. Осоргин обратился к новосильскому уездному предводителю дворянства Шатилову с конфиденциальным письмом, в котором высказывал тревогу в связи с положением дел в уезде и подготовкой выборов в I Государственную думу. «Я очень был озабочен, потому что требовалась твердая разумная рука предводителя, чтобы направить все подготовительные работы <...> излагал ему все мои опасения и кончал просьбой к нему вступить на это время в должность или же, если болезнь его безусловно этому препятствует, подыскать себе достойного заместителя», — вспоминал он. В ответ М.М. Осоргин получил «неприличное по содержанию» письмо, в котором предводитель дворянства писал: «...благодарю за советы, но в них не нуждаюсь» [Осоргин, с. 708]. Законодательство не давало никаких способов губернатору противодействовать абсентеизму предводителя. Схожий по форме (письмо, написанное «в совершенно неуместном тоне») и содержанию ответ получил в 1909 г. и москов-

ский губернатор В.Ф. Джунковский от П.С. Шереметева, когда напомнил ему о необходимости выполнения своих обязанностей и участии в воинском присутствии при наборе новобранцев. Для разрешения конфликта В.Ф. Джунковский вынужден был обратиться с просьбой к губернскому предводителю дворянства А.Д. Самарину «взять на себя труд в товарищеском кругу предводителей дворянства обсудить этот печальный инцидент и помочь мне достойным образом покончить его, не прибегая к постановке дела на официальную почву, что было бы для меня крайне нежелательным из чувства уважения к дворянству» [Джунковский, с. 63].

Серьезной проверкой на прочность губернаторского корпуса стала первая российская революция. Кризисная ситуация в регионах, ставших эпицентрами революционного движения в империи, требовала новых компетенций и управленческих решений. В отчетах Николаю II за 1905 г. губернаторы указывали на рост революционных настроений среди земской интеллигенции. Они отмечали, что «масса видных земских деятелей» ушла в революционное движение, что привело к обострению борьбы между радикальной и умеренной частью интеллигенции. Губернаторы обвиняли «в преступной пропаганде» всех земских деятелей, считали земские учреждения «рассадником не только либеральных, но и революционных веяний» [Осоргин, с. 710]. Так, губернатор К.А. Балясный обвинял орловского губернского предводителя дворянства М.А. Стаховича в заискивании перед третьим элементом. Московский губернатор В.Ф. Джунковский, подробно описывая события 1906 года и свой конфликт с председателем Московской губернской земской управы Ф.А. Головиным, с горечью отмечал «революционное настроение» земских деятелей, под влиянием которого «работа в земстве почти остановилась, ее заменила политика» [Джунковский, с. 43–45].

К осени 1905 г. помещики стали квалифицировать крестьянское движение уже как «пугачевщину». Там, где дворянской собственности угрожала опасность, заканчивалось словесное фрондерство либералов. Независимо от политических убеждений помещики неоднократно просили премьер-министра, министра внутренних дел и губернаторов оказать им помощь. Тульский губернатор М.М. Осоргин отмечал, что под влиянием аграрных беспорядков на его хуторе, «почувствовав первый натиск либеральных веяний, осуществленных на деле», Богородицкий уездный предводитель граф В.А. Бобринский «затрепетал за свое материальное благополучие и перешел в лагерь крайне правых», «успел перекреститься из ярого либерала в такого же ярого консерватора» [Осоргин, с. 710]. Подобные метаморфозы политических взглядов были характерны для подавляющей массы помещиков дворянства. Как только над экономическими и политическими правами и привилегиями нависла реальная угроза, они перешли от либеральной болтовни к проверенным методам защиты своей собственности [Баринаева, с. 220–226].

Нарастание революционных событий, политическая активизация общества и Манифест 17 октября 1905 г. застали как поместное дворянство, так и губернаторов практически не подготовленными к столь быстрым и разрушительным переменам. Возрастала отчужденность между властью и провинциальным обществом, что крайне болезненно воспринималось представителями местной администрации. Они искренне считали, что, защищая общественный порядок, действуют в интересах большинства населения. «Рискуешь жизнью, треплешь до изнеможения нервы для поддержания спокойствия, чтобы люди могли жить по-человечески, и что же повсюду встречаешь? Не только нет тебе никакой поддержки, а на каждом шагу до тебя доходит одно осуждение; идешь по городу и ловишь взгляды, полные ненависти, точно ты какой-нибудь изверг, пьющий человеческую кровь, как любят выражаться распропагандированные мужики», — отмечал И.Ф. Кошко [Кошко, с. 83]. Идеалы государственной службы и управления пришли в столкновение с революционной действительностью. «Из Министерства я никаких указаний не получал, — с горечью отмечал М.М. Осоргин, — ни Булыгин, тогдашний министр внутренних дел, ни Трепов, его помощник, а в сущности диктатор по внутренней политике, не почли нужным предупредить нас, губернаторов, о предстоящей общей забастовке» [Осоргин, с. 717]. Губернаторы остались один на один с непростой обстановкой, пытались сохранить порядок, не чувствовали поддержки ни со стороны центральной власти, ни со стороны местного общества. М.М. Осоргин вспоминал, что принятие Манифеста 17 октября 1905 года произвело ошеломляющее впечатление: «...левые торжествовали от того, что правительство пошло на уступки, а правые были как-то печальны и сконфужены» [Осоргин, с. 722–723].

Самарский губернский предводитель дворянства А.Н. Наумов ярко и эмоционально описывал тревожные дни революционных потрясений октября 1905 г. в Самаре: «Жизнь в городе теряла свой нормальный уклад... На меня объявление манифеста произвело сильнейшее, далеко не утешительное впечатление. Прежде всего, несомненно, выявилось поражение правительства, его бессилие и торжество улицы...» [Наумов, 1954–1955, Т. 2, с. 16–21, 24–29]. Мемуарист также говорит об активной позиции вице-губернатора В.Г. Кондоиди, который призвал дворянство высказать свою готовность к борьбе с «внутренними и внешними врагами» [Кабытов, Баринаева, Селиверстов, с. 57]. Давая негативную оценку действий самарского губернатора Д.И. Засядко, который, с его точки зрения, не предпринимал никаких решительных мер для подавления революционного движения, он отмечал: «Власть бездействовала, улица нагнела, всюду происходили грабежи, убийства, “снятия” служащих, слухи самые фантастические, в городе царствовал террор, слышалась повсеместная стрельба...» [Наумов, 1954–1955, Т. 2, с. 16]. В ноябре 1905 г.

на приемах у министра внутренних дел П.Н. Дурново и председателя Совета министров графа С.Ю. Витте он просил принять меры к увольнению нерешительного, «негодного» губернатора.

Непосредственное участие в борьбе с революционным движением в регионах стало испытанием на прочность для губернаторов. Никогда еще начальник губернии не был так подавлен и растерян, не знал, на какую политическую силу ему опереться. «Положение было совершенно новое, — отмечал М.М. Осоргин, — я, представитель власти, губернатор, сносился с какими-то вожаками революционных партий, признавая этим самым организацию и силу власти этих вожаков» [Осоргин, с. 726]. На долю М.М. Осоргина выпал весьма проблемный и беспокойный период — преодоление беспорядков 21 октября 1905 года в Туле, повлекших человеческие жертвы. Вице-губернатор А.Н. Хвостов играл двойственную роль, с одной стороны, «заигрывая» с лидерами революционного движения, с другой — призывая губернатора для сохранения порядка опереться на правые элементы. М.М. Осоргин тяжело переживал необходимость применения жестоких мер, считал, что «был виновен в непредусмотрительности», что стало в итоге причиной его просьбы об отставке.

Ситуация неопределенности порождала пессимистические настроения в среде местной администрации. В мемуарах И.Ф. Кошко описывается эмоциональное состояние его непосредственного начальника — самарского губернатора И.Л. Блока, считавшегося одним из образцовых провинциальных администраторов этого периода: «Вечная опасность, постоянная взвинченность нервов, ни на чем не основанное недоброжелательство со стороны населения — все это его ужасно угнетало. Я никогда, кажется, не видел на этом лице улыбки» [Кошко, с. 76]. В.Ф. Джунковский определяет Московское вооруженное восстание как «выходящие из ряда вон беспорядки» [Джунковский, с. 28–35] и высоко оценивает действия Ф.В. Дубасова по их ликвидации [Дунаева, 2010].

В условиях роста террористической активности одним из принципов сменяемости губернаторов становится их гибель от рук революционеров. Так, в 1905 г. было убито 20 губернаторов. В 1906 г. погибли тверской, самарский, симбирский, пензенский губернаторы, варшавский генерал-губернатор, петербургский градоначальник [Шатохин]. Практика назначения на службу начинает зависеть не столько от протекции, сколько от деловых качеств кандидата в губернаторы, его готовности «взять бразды правления в свои руки и не допустить погромов и беспорядков после террористического акта и гибели начальника губернии» [Сухова, с. 135]. Назначение на пост вице-губернатора в охваченную аграрным движением Самарскую губернию И.Ф. Кошко встретил с большой долей смятения: «...Судьба меня бросает в самое жерло беспорядков. Тут была опасность для жизни и опасность для служебной карьеры» [Кошко, с. 37]. 21 июля

1906 г. взрывом бомбы был убит самарский губернатор И.Л. Блок. Узнав об этой трагедии, губернский предводитель дворянства А.Н. Наумов стал беспокоиться за свою и членов своей семьи безопасность. Сразу же после убийства И.Л. Блока он получил телеграмму без подписи «Завтракали у губернатора, пообедаем у Вас», поэтому решил не ездить в Самару на похороны губернатора. После убийства И.Л. Блока губернию временно возглавил вице-губернатор И.Ф. Кошко. Судя по всему, у него сложились неприязненные отношения с А.Н. Наумовым: «По жене он был очень богат... Она в это лето жила с детьми где-то во Франции, кажется, в Аркашоне, куда ездил постоянно и сам предводитель, лишь изредка показываясь в Самаре» [Кошко, с. 76]. А.Н. Наумов также отрицательно характеризует И.Ф. Кошко как «человека податливого, бездарного и взбаломшного, принимавшего слишком слабые и осторожные меры борьбы с террористическими организациями» [Наумов, 1954–1954, Т. 2, с. 95].

Размах аграрного движения требовал принятия от губернаторов решительных мер. На требования помещиков «обеспечить их защиту» правительство отвечало предоставлением губернаторам особых полномочий «по охране государственного порядка в губернии и общественного спокойствия». Для «благоприятного успокоения умов» губернаторы предлагали уездным и губерньским предводителям дворянства объявлять и разъяснять крестьянам смысл царских манифестов. «Когда ко мне стали поступать все чаще и чаще сведения об ожидаемых погромах помещичьих усадеб, — вспоминал М.М. Осоргин, — я написал в Министерство, что с имеющимися у меня силами я совершенно не в состоянии сохранить порядок в губернии; при этом я очень резко выразился, что мое положение тульского губернатора совершенно невозможное: правительство допускает собрание Крестьянского союза в Москве; представитель Тульской губернии на этом съезде, крестьянин Богородицкого уезда, фамилии не помню, говорит на заседаниях зажигательные речи, требуя “иллюминации” помещичьих усадеб, то есть попросту их поджога. Ни московский генерал-губернатор, ни центральное правительство никак не реагируют на эти призывы к погромам. Среди населения складывается убеждение, что правительство не только потворствует, но и сочувствует этому течению» [Осоргин, с. 747].

Правительству требовались губернаторы, готовые играть «на правовом поле», но не допускать «разгула демократии» и способные самостоятельно выполнять задачу по окончательному подавлению революции в регионах. Тамбовский губернатор Н.П. Муратов, пензенский И.Ф. Кошко, московский В.Ф. Джунковский едва ли не идеально соответствовали этому типу. В начале 1906 г. проходили выборы в I Государственную думу. Губернатор как высший в губернии чиновник МВД обязан был добиваться соблюдения законности в ходе избирательных кампаний в Государственную думу, ис-

пользуя жесткий административный контроль. Накануне выборов в Государственную думу коронная администрация на местах испытывала те же иллюзии, что и правительство, рассчитывавшее получить послушный «мужицкий» парламент. Авторы воспоминаний признают, что в оппозиционном характере I и II государственных дум отчасти виноваты местные власти, которые не сумели реализовать правительственные интересы во время избирательных кампаний. И.Ф. Кошко объяснял просчеты местной администрации следующим образом: «Конечно, главную роль тут играла, мне кажется, наша общая неподготовленность к представительному строю. Мы, разумеется, теоретически хорошо понимали эту идею, но практически совершенно не представляли себе, как надо осуществить ее, чтобы наименее уклониться от идеального представления и преодолеть затруднения, которые неизбежно возникнут при проведении нового порядка в жизнь» [Кошко, с. 20]. Вспыхнувшее с необычайной силой аграрное движение было поставлено помещиками и губернаторами в прямую связь с думскими речами по аграрному вопросу. Курский губернатор В.М. Борзенко в отчете за 1906 г. так охарактеризовал настроения в губернии: «...огромную роль в деле развращения населения, особенно сельского, сыграла Государственная дума первого созыва, то есть произносившиеся депутатами крайних партий речи давали в сознании народа авторитетную санкцию чего-то вполне допустимого и дозволенного. Земства губернии обнаружили резкий поворот к отрезвлению. Развившаяся гроза пробудила дремавшие силы дворянства» [Баринаева, с. 185].

Враждебное отношение к губернаторам, бюрократии, чиновникам, то есть к реальным агентам власти, присутствовало в сознании консервативно настроенного дворянства. Выступая на V съезде объединенного дворянства (1909 г.), Н.Е. Марков обратил внимание на то обстоятельство, что по проекту губернской реформы «начальником губернии значится представитель правительства», а не представитель верховной власти. Делая реверанс в сторону П.А. Столыпина, он отмечал, что «мы не можем ради доверия к одной, случайно находящейся во главе правительства личности» допустить возникновения ситуации, «когда начальники губерний, все эти представители правительства», получают телеграмму министра внутренних дел, извещающую, что «отныне монарха нет, а есть республика», и тут же «переменяют направление» [Объединенное дворянство. Кн. 1, с. 234].

Проект губернской реформы и, в частности, будущий статус губернатора в 1908–1909 гг. обсуждались в Совете по делам местного хозяйства Министерства внутренних дел. К.И. Могилевский отмечает, что, хотя обсуждаемый проект и был наследием Плеве, статус губернатора уже определялся в нем по-иному. Губернатор рассматривался как местный орган исполнительной власти, Совета

министров, а не прежний «начальник губернии». Однако движения проект не получил, поскольку члены Совета считали, что обсуждение «губернаторской должности» невозможно в отрыве от остальных реформ системы местного управления [Могилевский]. На VI съезде объединенного дворянства депутаты съезда подчеркивали, что проект правительства может «умалить власть Самодержца-государя» [Объединенное дворянство. Кн. 1, с. 342]. Опасаясь умаления власти царя, дворяне протестовали против тенденции нового законопроекта, «по которому губернаторов... хотя бы обратиться в чиновников Министерства внутренних дел» [Объединенное дворянство. Кн. 1, с. 419–421].

Разносторонние функции губернаторской власти осуществлялись путем вовлечения в деятельность органов власти, представителей различных сословий и местного самоуправления. Конфликтные ситуации, возникающие в отношениях губернаторов с дворянством, во многом зависели от антибюрократических настроений, существовавших в среде дворянства, разницы в политических взглядах и личностных характеристик губернатора. Особенно ярко это проявилось в ходе первой российской революции и обсуждении актуальных вопросов социально-экономического и политического развития России на дворянских собраниях и съездах уполномоченных объединенных дворянских обществ. К традиционному сотрудничеству и фрондерству как формам взаимодействия общественно-политической и бюрократической элит в период первой российской революции добавилась партийно-политическая борьба, которая смягчалась сословной солидарностью. Несмотря на доминирование в дворянской среде консервативно-охранительных настроений, в ряде случаев дворянские корпоративные связи играли доминирующую роль и губернатор лишался поддержки со стороны сословия и не мог эффективно управлять регионом.

Библиографический список

- Алексушин Г.В. Самарские губернаторы: историко-краеведческие очерки. Самара: Самарский Дом печати, 1996. 320 с.
- Антонова И.А. Тульское чиновничество в мемуарах губернатора М.М. Осоргина // Власть и общество в провинции: сб. материалов науч. конф., посв. 240-летию Тульской губернии [Электронный ресурс]. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2017. С. 18–24. URL: http://tsput.ru/tio/project/vlast_i_obs_2107.pdf.
- Балязин В.М. Московские градоначальники. М.: Терра, 1997. 432 с.
- Баринаева Е.П. Российское дворянство в начале XX века: экономический статус и социокультурный облик. М.: РОССПЭН, 2008. 351 с.
- Бикташева А.Н. Казанское губернаторство первой половины XIX века. Бремя власти. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2014. 320 с.
- Джунковский В.Ф. Воспоминания. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1997. Т. 1. 736 с.; Т. 2. 688 с.

Дунаева А.Ю. В.Ф. Джунковский: политические взгляды и государственная деятельность (Конец XIX – начало XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2010. 20 с.

Дунаева А.Ю. Реформы полиции в России начала XX века и Владимир Федорович Джунковский. М.: Объединенная редакция МВД России, 2012. 320 с.

Кабытов П.С., Баринаева Е.П., Селиверстов С.С. Жизнь и судьба Александра Наумова. Самара: Самарский инст. (фил.) РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2013. 160 с.

Канищев В.В. Деятельность тамбовского губернатора Н.П. Муратова в контексте борьбы консервативной и либеральной региональных политических элит: 1906–1912 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2005. 23 с.

Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917) Рязань: б. и., 2004. 472 с.

Кошко И.Ф. Воспоминания губернатора (1905–1914). Новгород–Самара–Пенза. Пг.: Содружество, 1916. 259 с.

Лысенко Л.М. Губернаторы и генерал-губернаторы в системе власти дореволюционной России. М.: МПГУ, 2001. 358 с.

Любичанковский С.В. Губернская администрация и проблема кризиса власти в позднеимперской России на материалах Урала, 1892–1914. Самара; Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2007. 750 с.

Марасанова В.М., Федюк Г.П. Ярославские губернаторы. 1777–1917. Историко-биографические очерки. Ярославль: ЯрГУ, 1998. 420 с.

Марасанова В.М. Князь С.Д. Урусов о государственном управлении в российской империи начала XX века // Век нынешний, век минувший... Исторический альманах. Вып. 8 / под ред. Ю.Ю. Иерусалимского, В.П. Федюка, В.М. Марасановой. Ярославль: ЯрГУ, 2009. С. 74–84.

Минаков А.С. Губернаторский корпус пореформенной России в современной историографии // Вопросы истории. 2009. № 7. С. 160–168.

Минаков А.С. Губернаторский корпус и центральная власть: проблема взаимоотношений (по материалам губерний Черноземного центра второй половины XIX – начала XX в.) / отв. ред. В.В. Шелухаев. Орел: Орлик, 2011. 488 с.

Могилевский К.И. Столыпинские реформы и местная элита: Совет по делам местного хозяйства (1908–1910). М.: РОССПЭН, 2008. 328 с.

Муратов Н.П. Записки тамбовского губернатора. Тамбов: б. и., 2007. 436 с.

Наумов А.Н. Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917. Нью-Йорк, 1954–1955. Т. 1, 2.

Осоргин М.М. Воспоминания, или Что я слышал, что я видел и что я делал в течение моей жизни. 1861–1920. М.: Российский фонд культуры; Студия ТРИТЭ; Российский архив, 2009. 850 с.

Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906–1916 гг.: в 3 т. / сост. А.П. Корелин Т. 2. 1909–1912 гг. Кн. 1, 2. М.: РОССПЭН, 2001.

Роббинс Р. Наместник и слуга // Отечественная история. 1993. № 1. С. 202–213.

Сухова О.А. Губернаторы Поволжья и Урала в начале XX века // Исторический вестник. 2013. Т. 3. № 150. С. 122–153.

Туманова А.С. Консерватор во власти: губернатор Н.П. Муратов. // Отечественная история. 2003. № 3. С. 103–113.

Урусов С.Д. Записки. Три года государственной службы. М., 2009.

Шатохин И.Т. Губернаторы в Первой русской революции // Современные наукоемкие технологии. 2006. № 4. С. 103–104.

Шатохин И.Т., Шатохина С.Б. Российское дворянство и государственная служба в XIX – начале XX вв. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2014. Т. 32. № 21. С. 106–110.

References

Aleksushin G.V. *Samarskie gubernatory: istoriko-kraevedcheskie ocherki* [Samara governors: historical and ethnographic studies]. Samara: Samarskii Dom pechati, 1996, 320 p. [in Russian].

Antonova I.A. *Tul'skoe chinovnichestvo v memuarakh gubernatora M.M. Osorgina* [Tula officials in the memoirs of the governor M.M. Osorgin]. In: *Vlast' i obshchestvo v provintsi: Sb. materialov nauch. konf., posv. 240-letiiu Tul'skoi gubernii [Elektronnyi resurs]* [Power and society in the province: Collection of materials of research conference, devoted to the 240 anniversary of the Tula province [Electronic resource]]. Tula: Izd-vo Tul. gos. ped. un-ta im. L.N. Tolstogo, 2017, pp.18-24. Available at: http://tsput.ru/rio/project/vlast_i_obs_2107.pdf [in Russian].

Balyazin V.M. *Moskovskie gradonachal'niki* [Moscow mayors]. M.: Terra, 1997, 432 p. [in Russian].

Barinova E.P. *Rossiiskoe dvorianstvo v nachale XX veka: ekonomicheskii status i sotsiokul'turnyi oblik* [Russian nobility in the early twentieth century: economic status and socio-cultural appearance]. M.: ROSSPEN, 2008, 351 p. [in Russian].

Biktasheva A.N. *Kazanskoe gubernatorstvo pervoi poloviny XIX veka. Bremia vlasti* [Kazan governorship of the first half of the XIX century. The Burden of Power]. M.: Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi, 2014, 320 p. [in Russian].

Dzhunkovskiy V.F. *Vospominaniia* [Memoirs]. M.: Izd-vo im. Sabashnikovoykh, 1997, Vol. 1, 736 p.; Vol. 2, 688 p. [in Russian].

Dunaeva A.Yu. V.F. *Dzhunkovskii: politicheskie vzglyady i gosudarstvennaia deiatel'nost' (Konets XIX – nachalo XX v.) Avtoref. dis. ... k. i. n.* [V.F. Dzhunkovskiy: political views and state activities (Late XIX – early XX century). Author's abstract of Candidate's of Historical thesis]. M., 2010, 20 p. [in Russian].

Dunaeva A.Yu. *Reformy politzii v Rossii nachala XX veka i Vladimir Fedorovich Dzhunkovskii* [Police reforms in Russia at the beginning of the XX century and Vladimir Fedorovich Dzhunkovskiy]. M.: Ob'edinennaia redaktsiia MVD Rossii, 2012, 320 p. [in Russian].

Kabytov P.S., Barinova E.P., Seliverstov S.S. *Zhizn' i sud'ba Aleksandra Naumova* [Life and fate of Alexander Naumov]. Samara: Samarskii inst. (fil.) REU im. G.V. Plekhanova, 2013, 160 p. [in Russian].

- Kanishchev V.V. *Deiatel'nost' tambovskogo gubernatora N.P. Muratova v kontekste bor'by konservativnoi i liberal'noi regional'nykh politicheskikh elit: 1906–1912 gg.* Avtoref. dis. ... k. i. n. [Activity of Tambov Governor N.P. Muratov in the context of the struggle of conservative and liberal regional political elites: 1906–1912. Author's abstract of Candidate's of Historical Sciences thesis]. Tambov, 2005, 23 p. [in Russian].
- Kulikov S.V. *Biurokraticheskaia elita Rossiiskoi imperii nakanune padeniia starogo poriadka (1914–1917)* [Bureaucratic elite of the Russian Empire on the eve of the fall of the old order (1914–1917)]. Ryazan: b.i., 2004, 472 p. [in Russian].
- Koshko I.F. *Vospominaniia gubernatora (1905–1914). Novgorod–Samara–Penza* [Memoirs of the governor (1905–1914). Novgorod-Samara-Penza]. Pg.: Sodruzhestvo, 1916, 259 p. [in Russian].
- Lysenko L.M. *Gubernatory i general-gubernatory v sisteme vlasti dorevoliutsionnoi Rossii* [Governors and governors-general in the system of power of pre-revolutionary Russia]. M.: MPGU, 2001, 358 p. [in Russian].
- Lyubichankovsky S.V. *Gubernskaia administratsiia i problema krizisa vlasti v pozdneimperskoi Rossii na materialakh Urala, 1892–1914* [Provincial administration and the problem of power crisis in late imperial Russia on the materials of the Urals, 1892–1914]. Samara; Orenburg: IPK GOU OGU, 2007, 750 p. [in Russian].
- Marasanova V.M., Fedyuk G.P. *Iaroslavskie gubernatory. 1777–1917. Istoriko-biograficheskie ocherki* [Yaroslavl governors. 1777–1917. Historical and biographical essays]. Yaroslavl: IarGU, 1998, 420 p. [in Russian].
- Marasanova V.M. *Kniaz' S.D. Urusov o gosudarstvennom upravlenii v rossiiskoi imperii nachala XX veka* [Prince S.D. Urusov about public administration in the Russian Empire of the early twentieth century]. *Vek nyneshnii, vek minuvshii... Istoricheskii al'manakh. Vyp. 8. Pod red. Iu.Iu. Ierusalimskogo, V.P.Fediuka, V.M. Marasanovoi* [The century of now, the century of the past ... Historical almanac. Issue 8. Yu.Yu. Ierusalimsky, V.P. Fedyuk, V.M. Marasanova (Eds.)]. Yaroslavl: IarGU, 2009, pp. 74–84 [in Russian].
- Minakov A.S. *Gubernatorskii korpus poreformennoi Rossii v sovremennoi istoriografii* [The governor's corps of post-reform Russia in contemporary historiography]. *Voprosy istorii*, 2009, no. 7, pp. 160–168 [in Russian].
- Minakov A.S. *Gubernatorskii korpus i tsentral'naia vlast': problema vzaimootnoshenii (po materialam gubernii Chernozemnogo tsentra vtoroi poloviny XIX – nachala XX vv.)*. *Otv. red. B.V. Shelokhaev* [Governor's corps and central government: the problem of relationships (based on the materials of the provinces of the Black Earth center of the second half of the XIX – early XX centuries). B.V. Shelokhaev (Ed.)]. Orel: Orlik, 2011, 488 p. [in Russian].
- Mogilevsky K.I. *Stolypinskiie reformy i mestnaia elita: Sovet po delam mestnogo khoziaistva (1908–1910)* [Stolypin's reforms and the local elite: Council for Local Economic Affairs (1908–1910)]. M.: ROSSPEN, 2008, 328 p. [in Russian].
- Muratov N.P. *Zapiski tambovskogo gubernatora* [Notes by the Tambov Governor]. Tambov: b.i., 2007, 436 p. [in Russian].
- Naumov A.N. *Iz utselevshikh vospominanii. 1868–1917* [From the surviving memories. 1868–1917]. New York, 1954–1955. Vol. 1, 2 [in Russian].
- Osorgin M.M. *Vospominaniia, ili Chto ia slyshal, chto ia videl i chto ia delal v techenie moei zhizni. 1861–1920* [Memories, or What I heard, what I saw and what I did during my life. 1861–1920]. M.: Rossiiskii fond kul'tury; Studiia TRITE; Rossiiskii arkhiv, 2009, 850 p. [in Russian].
- Ob»edinennoe dvorianstvo. S»ezdy upolnomochennykh gubernskikh dvorianskikh obshchestv. 1906–1916 gg. V. 3 tt. Sost. Korelin A.P. T.2. 1909–1912 gg. kn.1, 2.* [United nobility. Congresses of authorized provincial noble societies. 1906–1916. In 3 Vols. Compiler Korelin A.P. Vol. 2. 1909–1912. Book 1, 2]. M.: ROSSPEN, 2001 [in Russian].
- Robbins R. *Namestnik i sluga* [Vicar and Servant]. *Otechestvennaia istoriia*, 1993, no. 1, pp. 202–213 [in Russian].
- Suhova O.A. *Gubernatory Povolzh'ia i Urala v nachale XX veka* [Governors of the Volga and the Urals in the early twentieth century]. *Istoricheskii vestnik* [Historical Herald], 2013, Vol. 3, no. 150, pp. 122–153 [in Russian].
- Tumanova A.S. *Konservator vo vlasti: gubernator N.P. Muratov* [Conservative in power: governor N.P. Muratov]. *Otechestvennaia istoriia*, 2003, no. 3, pp. 103–113 [in Russian].
- Urusov S.D. *Zapiski. Tri goda gosudarstvennoi sluzhby* [Notes. Three years of civil service]. M., 2009 [in Russian].
- Shatokhin I.T. *Gubernatory v Pervoi russkoi revoliutsii* [Governors in the First Russian Revolution]. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii* [Modern high technologies], 2006, no. 4, pp. 103–104 [in Russian].
- Shatokhin I.T., Shatokhina S.B. *Rossiiskoe dvorianstvo i gosudarstvennaia sluzhba v XIX – nachale XX vv.* [Russian nobility and public service in the XIX – early XX century]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Istorii. Politologiya* [Belgorod State University Scientific Bulletin. Series: History. Politology], 2014, Vol. 32, no. 21, pp. 106–110 [in Russian].